

Марина БУВАЙЛО

Марина Бувайло родилась в Баку. По образованию врач. С 1981 года живет в Лондоне, работает психиатром. Публиковалась в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда» и др. Автор книг «Эх, дороги» (М.: НЛО, 2006), «Игры» (М.: НЛО, 2009), «С.П.У.М.С.» (М.: НЛО, 2011). В «Волге» публикуется с 2012 года.

ТЁТЯ ЛЮСЯ

Рассказ

Тётя Люся была креативным человеком. Слова такого тогда не было. Или было, но где-то в другом месте, не у нас. То есть слова не было, а тётя Люся была, хоть для её креативности были другие слова, может быть, изобретательным или творческим человеком называли бы её, если бы хотели назвать как-то по-другому, а не так, как обычно называли. Многие слова я и узнавала именно в связи с тёть Люсей. Например – пройдоха подзаборная. Так к ней обращался ещё один наш сосед, дядя Ефим. А уж как она к нему! Я на горьком опыте поняла, что повторять это при бабушке не стоит, когда она запретила мне выходить на кухню, если там была тётя Люся. Но, запрет нарушая, выходила, и в гости к тёте Люсе, первая комната от входа, заглядывала. И все слова запоминала на всякий случай, который обязательно вскоре случался, однако использовала осмотрительно, осмотревшись по сторонам, чтобы не только бабушки, но и вообще взрослых или ябеды Аллочки рядом не было. Свои креативные конструкции тётя Люся использовала точно и точно, наповал. И надо сказать, умение пользоваться тёть-Люсиным словарем меня не раз спасало от больших бед, не только в дворово-уличных стычках детства, но и позже, в ночных возвращениях домой или поездках на попутках.

Еще у тёти Люси был свой язык цветов, домашних цветов в горшках. Для каждого посетителя свой. Обычно цветы у неё жили на окне на улицу, широком и солнечном, а для коммуникаций (таким красивым словом называл тёть-Люсины цветы военный полковник, при бабушке я на всякий случай его не повторяла) было другое окно, узкое как щель, во двор на мусорные баки. Цветы на этом подоконнике означали приглашение, кого и зачем, знали приглашённые, и забегали во двор посмотреть, не зовут ли? Говорили, что давно, до войны и даже раньше, почтиштоприцаре, наша квартира, вся целиком, как есть, принадлежала одному человеку, а потом, в один прекрасный день... когда моя бабушка говорила *в один прекрасный*, ясно было, что ничего прекрасного не произойдёт, а совсем наоборот, так вот, в один прекрасный день этот человек, и отец его, и их жены куда-то исчезли, а сына человека отправили в детский дом. Будешь так себя вести, убежать в чужие дворы и повторять за этой... тётей (бабушкин голос менялся, интонация изображали насмешку, переходящую в презрение)... Лю-ю-сей, и тебя отправят. Детский дом меня не очень-то пугал, подумаешь! Я не верила, что бабушка разрешит забрать меня в детский дом, если меня даже в детский садик совсем рядом, через сквер, туда я очень хотела, не пускают. Тем не менее, театр на театр, и я закатывала самую убедительную истерику, на которую была в тот момент способна.

Хотя тетя Люся работала на мясокомбинате, она сама мяса или там колбасы-сосисок не ела, говорила, тошнит. Но домой приносила и выставляла на подоконнике герань, или фикус, или какую-нибудь фиалку. Те, к кому это сообщение было обращено, понимали и забегали или звонили по телефону.

Были ещё и музыкальные сообщения. Лёшка-с-Покровки стучал по водосточной трубе та-та-та-татата, и тётя Люся шла, если хотела, открывать ему. А могла и не идти, если настроения не было, или военный полковник зашёл, или дядя Витя у неё находился, или девчата выпивали, а с Лёшкой если выпивать, то беды не оберёшься, потому что Лёшка пить в компании не умел, буяннить начинал. Дядя Витя и сам любил приходить в одиночестве, постучит та-татата-та, не откроют, дальше идёт, у него в соседней арке друг жил, на флейте играл.

Сам дядя Витя на губной гармошке хорошо умел. Держит одной рукой, у него осталась одна, а вторую он «оставил под Рыжевом, город такой», не очень понятно, почему под, а не в самом Рыжеве, держит гармошку и дует в неё, играет. Ещё они с тётей Люсей пели, раздавят бутылочку, обнимутся и поют – «не искушай меня без нужды», и «отцвели уж давно хризантемы», и «мой костер в тумане светит и скрыгаснет налету», и «очень черные очень страшные». Про «не искушай меня» я знала, перед тем как шлёпнуть меня, бабушка несколько раз это повторяла, и если я не переставала скандалить... В общем, понятно – води себя хорошо. Костер скрыгаснет тоже понятно, мы однажды с Генкой из спичек и сухих листьев развели костер на помойной лестнице, и он тоже довольно сильно скрыгас, там всегда был ветер, дуло из разбитого окна. Очень черных и страшных я боялась и не вникала в подробности. Про раздавленную бутылочку тоже вначале было непонятно, я не сразу смирилась с объяснением дяди Вити, что осколков нет, потому что взрослые умеют раздавить, не разбив, а у меня бутылка не давится, потому что её с другом выпить надо, а для этого вырасти надо.

Вот ещё столько ждать! На кухне между рамами стояла бутылка молока. Я думала наша, но оказалась... неважно, не наша! не тёть-Люсина, не дяди Ефима, с ними можно было бы договориться, тем более что Генка, с которым мы эту бутылку и давили, был родным сыном дяди Ефима, хотя жил с матерью в другом подъезде.

Честно допив, я с отвращением, потому что молоко терпеть не могла, а Генка хоть и любил, но был такой копушка, ужас! (бабушка говорит, что стареет, когда ждёт меня, а я выросла, пока он глотал, отдуваясь, свою половину), честно допив эту бутылку на помойной лестнице, мы по очереди и вместе залезали на неё и, держась за подоконник, топали. Я прекрасно понимала, что стеклянная бутылка не раздавится, в лучшем случае разобьется, но эксперимент (слова этого я ещё не знала) есть эксперимент. Результаты я доложила дяде Вите, который и сказал, что это был эксперимент, (я несколько раз вслух и про себя повторила такое трудное слово), но не чистый, потому что ещё не доросли.

К вечеру на кухне началось расследование – пропала бутылка молока Васильевых, а они оба были очень важными, он был кем-то в Большом театре, а она в ЦУМе. Расследователями были все. И подозревали всех, кроме меня и тёти Люси. Все знали, какие скандалы я устраивала, если бабушка пыталась влить в меня молоко, а «эта» его тоже не употребляла, была почти веганом, хотя

и такого слова не было. Её друзей, дядя Ефим называл их клиентами, а другие – алкоголиками, тоже не особо подозревали, молоко не выпьешь и не продашь, и сами они сытые, тётя Люся их колбасой кормила. А вот все остальные жители квартиры, включая самого Васильева – «мог отнести своей Блядерине» – должны были доказывать свою невиновность.

Про Блядерину было известно, что она «целыми днями живёт на морковке и молоке, чтобы легче было махать ногами, и даёт всем подряд». Бабушка часто водила меня в Большой, нас пускали по знакомству с Васильевым, как балерины танцуют в ряд, я видела, но что они при этом могут жевать морковку и пить молоко, не знала. Хотя сразу поняла, как это прекрасно, балерины махают ногами, и чтобы им легче было махать, Блядерина на цыпочках, на пуантах, плывёт мимо них как лебедь, и даёт всем подряд морковку. У всех подряд изо рта торчит по морковке, которую дала им Блядерина.

Следователями были все. Расследования и дознания проводились публично на кухне. Все присутствующие, а они менялись, из всех сил доказывали свою невиновность и рассказывали, кого и почему подозревали. Дядя Ефим предложил вскладчину купить «эту бутылку», но бабушка и тётя Люся отказались, бабушка сказала, что это было бы признанием вины, а тётя Люся, что единственная радость от житья в коммуналке, это смотреть, как они скандалят, в цирк ходить не надо. Дядя Ефим сказал, – ну, с женщинами разговаривать... э... себе дороже.

В отличие от тёти Люси, дядя Ефим не обладал умением точно сказать то, что хотел. Выражение «пройдоха подзаборная» по отношению к тёте Люсе никакого, ни на том моём уровне понимания, ни позже, смысла не имело. Вот одна знакомая собачка была пройдоха, а иногда пролаза, в зависимости от подзаборной щели. Она всегда удирала из сквера от хозяйки, и её потом ловили «всем миром», хотя ясно, что мир большой, если такая маленькая собачонка добежит до Парижа или Китая, вряд ли её там будут ловить и сдавать в багаж, как они узнают, откуда она сбежала? Тётя Люся была согласна со мной – мир большой, делов там много без того, чтобы собак гонять, особенно если собака и хозяйка её обе дуры безмозглые.

Меня тётя Люся звала Мартыхой, когда была в хорошем настроении, а если сердилась, это случалось, но редко, и как правило за дело, звала меня моим именем, не как бабушка – Аля, а полным, Аделаида. Однажды я слышала, как она сказала дяде Валентину, который жил в длинной комнате за сундуком, что единственный нормальный человек в квартире это Мартыха, и если бы не я, Мартыха, она, тётя Люся, давно бы переехала куда-нибудь, хоть на Магадан, а нашу квартиру напоследок залила бензином, чтобы мудаки, которые бросают незагашенные чинарики, взорвались к ибёнофене.

Дядю Валентина мне стало жалко, он был очень красивый, с чёрными усами, он уходил рано, а возвращался поздно, и сразу проходил к своей вешалке за сундуком. Он носил шапку, похожую и на кораблик из газеты и на бабушкину шубу из каракулей, у него были чёрные сапоги, которые он чистил на сундуке, и такие смешные штаны с пузырями по бокам, между попой и коленками. Я в него была немножко влюблена, и изредка вспоминала об этом и ждала, сидя на сундуке перед его дверью.

Тётя Люся сердилась на меня редко, но однажды больно отшлёпала и выгнала из комнаты. При этом ткнув в сторону сундука, что-то прошипела, что

я не расслышала. Я не заревела и даже не очень обиделась, скорее удивилась и решила, что она не поняла — я точно не виновата, а наоборот. Это косорукий Генка засадил палкой в окно кухни, вместо пожарной лестницы, на которой застрял наш мячик. Стекло треснуло, Генка убежал к себе, а я пошла домой и доложила тётё Люсе, что произошло. И в ответ на этот хороший поступок...

Посидев дома и поскандалив с бабушкой из-за борща с большими кусками свёклы, я решила идти к тётё Люсе объяснять, что она не поняла, окно разбила не я, а... Тут мне очень повезло, так как за это время к ней пришёл дядя Витя, и благодаря его вмешательству мне не попало по попе ещё раз. Я только открыла рот, чтобы начать, как тётя Люся закричала: — а, стукачка, явилась! Дядя Витя снял свою руку с тётю-Люсиного плеча, ухватил меня и притянул к дивану. Люська, ты чего на Мартыху катишь? Ну, малая, признавайся, чего натворила? Тут я и заревела, сначала вправду от страха, и только потом, слегка ободрённая смехом дяди Вити, настроилась на рёв как для бабушки. Но, в отличие от бабушки, он не начал кричать *немедленно замолчи!* — а сказал вполне серьёзно: Люсь, Мартын, объясните, в чём дело, только по очереди, тогда и поговорим. Что мы и сделали, под мои всхлипывания и тётю-Люсины (не-для-бабушки) комментарии.

В общем, смотря на этот разговор с достаточной временной дистанции, я не думаю, что можно было бы более убедительно объяснить шестилетнему, да и не только шестилетнему, просто человеку, что такое донос, и почему доносить плохо.

В ближайшую прогулку я поделилась своим знанием во дворе. С тем успехом, что ябеду Аллочку стали звать не ябедой, а стукачкой. Её мать устроила визг на весь двор, обзывая нас шпаной, уркаганами и вредителями, но все держались и меня не выдали.

А потом нашу квартиру, и не только квартиру, всех сразу, расселили по разным другим квартирам и домам.

Наш дом забирают под общежитие МГБ, сказал бабушке по секрету дядя Ефим.

Под куда?

Под абакумовский гадюшник, ответила мне тётя Люся, она ставила в коробки свои цветы.

Лёшка-с-Покровки ткнул в меня пальцем, Люська, ты аккуратней при ней, ещё повторит кому.

Ничего, сказала тётя Люся, это Мартыха, она теперь умная, всё понимает.